

УДК [130.123:159.947.2]:165.325

В. Б. ХАНЖИ^{1*}, Д. Н. ЛЯШЕНКО^{2*}^{1*}Одесский национальный медицинский университет (Одесса); эл. почта Vladkhan.od@ukr.net; ORCID 0000-0002-9264-4350^{2*}Одесский национальный медицинский университет (Одесса); эл. почта sepulka@meta.ua; ORCID 0000-0002-5043-6211**ДОБРО И ЗЛО КАК ВЕКТОРЫ СВОБОДЫ ВОЛИ В СТРУКТУРЕ АНТРОПНОГО ВРЕМЕНИ**

Целью работы является осмысление добра и зла в качестве векторов свободы воли в структуре антропного времени. **Методологическими основаниями** исследования служат: 1) общая теория систем (А. И. Уёмов, А. Ю. Цофнас, Л. Н. Терентьева) – в обосновании возможности представления антропного времени как системы вообще; 2) синергетика – при рассмотрении антропного времени как сложной самоорганизующейся системы; 3) концепция «целого в целом» (И. В. Ершова-Бабенко) – при выявлении оптимального принципа соотношения единиц времени с учетом их этической разновекторности. **Научная новизна** полученных результатов состоит в том, что в контексте реконструкции концепции антропного времени: 1) выявлены этические векторы развертывания свободы воли как движущего начала человеческой темпоральности (векторы «свободы во благо» и «свободы во зло»); 2) обоснована оптимальность использования принципа комплементарности в решении проблемы гармонизации сосуществования единиц антропного времени («матрешек времени»). **Выводы.** 1) в русле традиции антропологизации проблемы добра и зла эти интенции человеческой активности осмыслены в качестве векторов свободы воли в структуре антропного времени; 2) антропное время представлено как система вообще (на основании общей теории систем) и как сложная самоорганизующаяся система в частности (на основании синергетической методологии); 3) через конституирование системы антропного времени экзистенциально-деятельностным концептом преодолена позиция одновекторности времени – раскрыта этическая бинарность векторов антропного времени, подготовленная двойственностью развертывания свободы воли как его движущего начала; 4) через постановку проблемы несоответствия интенций различных темпоральных систем показана оптимальность принципа комплементарности в решении вопроса о пути гармонизации отношений единиц антропного времени; 5) проведенное исследование открывает перспективы рассмотрения внешних детерминант антропного времени, а также изыскания вариантов их соотносительности с внутренним двигателем (свободой воли) в структуре человеческой темпоральности.

Ключевые слова: добро и зло; антропное время; «временная матрешка»; векторы свободы воли; принцип комплементарности.

Актуальность темы исследования

Проблема соотношения добра и зла является одной из ключевых в этическом знании каждой культуры. Будучи испокон веков определяющей предмет экзистенциальных исканий человека, она своими корнями уходит в самые ранние философские и религиозные системы. Этическое противопоставление добра и зла всегда имеет под собой онтологические основания, о чем подробнее будет сказано ниже. Однако метафизический экскурс будет осуществлен нами исключительно для большей контрастности: он будет использован в качестве фона для альтернативной линии мысли о вечных этических противоположностях – антропологической. Более того, с легкой руки И. Канта сама метафи-

зика трансформировалась из учения о причинах и началах бытия (Аристотель) в модель постановки и решения проблемы оснований самой онтологии, что, в свою очередь, требует обращения к теме сущностных особенностей человека как субъекта, осуществляющего трансцендентальное познание. Безусловно, все более глобализирующаяся роль человека в метаморфозах мира не могла не вызвать адекватной реакции со стороны философии. И усиление антропологической компоненты в современном дискурсе, а также формирование ярко выраженного «антропомерного» методологического профиля научно-философского знания – бесспорное тому подтверждение. Нашим посильным вкладом в парадигму антропологического осмысления проблемы добра и зла является

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

идея исследования рассматриваемой пары категорий в режиме их «овременения», что должно быть, на наш взгляд, осуществлено через темпорализацию основания человеческих стремлений ко всему благому или злему – свободы воли. В таком контексте разворачивающаяся в человеческой деятельности свобода воли формирует особый вид темпоральности – *антропное время*, будучи его имманентным двигателем.

Обзор литературы

Проводимое исследование потребовало осуществить обзор работ последних лет, раскрывающих в том или ином аспекте интересующую нас проблему. Так, во-первых, размышляя о свойствах системы антропного времени, мы обратились к работам В. Декомба [2; 15], Е. Н. Князевой [5], М. Митчелл [19], П. Эрди [17], посвященным выявлению и истолкованию общих критериев сложности систем и их способности к самоорганизации, ибо человеческая форма темпоральности мыслится нами именно как объект синергетического порядка (сложная самоорганизующаяся система). М. Митчелл исследует такое отличительное свойство сложных систем, как согласованное коллективное поведение, не заданное при этом из «руководящего центра» (central processing unit) [19, с. 145–146, 160–161]. В работе П. Эрди проанализирована характеристика циклической причинности (circular causality) [17, с. 7–8, 41, 112, 291, 357]. Оба исследователя также указывают на принципиальную эмерджентность сложных систем. Достаточно широкую картину характеристик, наличие которых свидетельствует о сложности и самоорганизованности системного образования, предоставляет Князева [5, с. 77–78]. Французский ученый В. Декомб в своих работах демонстрирует болезненность, вытекающую из некомплементарности смыслов различных компонентов сложных государственных систем, когда имеет место быть конфликт идентичности различных культурных образований. В таком случае, по мнению исследователя, компромисс практически недостижим, ибо «відмова від вимоги ідентичності означала б відмову від самого себе» [2, с. 82].

Во-вторых, нас интересовала тенденция антропологизации знания, фундированная работами Р. Декарта, И. Канта, Э. Гуссерля (позже

продолженная в трудах экзистенциалистов), поскольку, разрабатывая концепцию антропного времени, мы основываемся на посылах данной традиции. Поэтому нами был осуществлен экскурс в публикации, посвященные либо становлению антропологической мысли в принципе, либо, что особенно важно, непосредственно антропологическим артикуляциям взаимодействия добра и зла, а также роли человеческой свободы воли в продуцировании этих альтернатив (выделим исследования А. Бардона [14], Дж. Х. Гурмина [18], Ш. Дхара [16], В. Козловского [6], А. Н. Маливского [8], Б. В. Маркова [9], В. Терлецкого [11]). В статье А. Н. Маливского показано, что еще в первой половине XVII в. Декарт намечал проект антропологизации знания, настаивая на том, что даже такая основа естествознания, как физика, в своем стремлении к выработке эталона объективного знания, казалось бы, лишая субъекта какой бы то ни было значимой роли (гносеологический идеал науки классического периода), должна включать в качестве важнейшего компонента человека [8, с. 98]. Более того, похоже, что без тщательного изучения природы человеческого бытия невозможно исследование на макроуровне – постижение Универсума. Спустя два с половиной столетия Гуссерль, правда, с известной долей критики французского философа (за «... вперте та наполегливе дотримання настанови на об'єктивне бачення світу...» [8, с. 99]), призывает к возвращению и новому прочтению картезианской мысли. Восполнение утраты «...належної уваги до суб'єктивності людини як вихідного та кінцевого пункту філософії» [8, с. 99] должно стать ее (философии) обязательным руслом.

Необходимо выделить статьи, посвященные проблеме человеческой свободы и ее оснований, ибо именно свобода воли рассмотрена нами как двигатель особой формы темпоральности – антропного времени. Так, Дж. Х. Гурмин (John Haydn Gurmin) осуществляет сравнительный анализ двух подходов к свободе воли с биологических позиций [18]. Первый, представленный в работах Р. Докинза (Richard Dawkins) и Д. Деннета (Daniel Dennett), фундирован позициями неodarвинизма. Второй, показанный С. Харрисом (Sam Harris), базируется на нейронаучных знаниях (с опорой на эксперименты Б. Либета (Benjamin Libet), подготовив-

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

шие теоретические выводы, среди которых – вызывающий, по меньшей мере, удивление тезис о том, что, скорее, мозг мыслит нами, чем мы мозгом). К этой работе мы еще вернемся в основном материале статьи. Современный индийский исследователь Ш. Дхар (Sharmistha Dhar) рассматривает две версии либертарианства (разновидности индетерминизма) как совместимые друг с другом и, более того, с метафизическим компатибилизмом, примиряющим детерминизм с индетерминизмом. Основная мысль статьи: несмотря на очевидные ограничения детерминизма, то, что выглядит как недетерминированное на локальном уровне, оказывается детерминированным (точнее, самодетерминированным) с позиции метауровня. В оценке оснований деятельности личности, таким образом, очень многое зависит от позиции наблюдателя. Личностные акции, которые выглядят с того же уровня рассмотрения как основывающиеся на свободном волеии, с высоты глобального уровня предстают как детерминированные и потому безальтернативные, ибо определенные контексты, обуславливающие деятельностные устремления личности, позволили ей поступить только так, а не иначе [16, с. 146]. Эта мысль оказывается очень ценной для нас, поскольку в наших дальнейших планах – рассмотрение вариантов соотношения векторов антропного времени (векторы «свободы во благо» и «свободы во зло») с внешними детерминантами становления человеческой формы темпоральности.

В монографии А. Бардона звучит насыщенная антропологическими мотивами мысль о взаимосвязи времени и свободы, что чрезвычайно важно для нас в свете акцентуаций, осуществляемых в концепции антропного времени. Исследователь задается вопросом о том, каким образом человек в принципе может быть свободным, если истолковывать будущее как константу, не видя принципиальной разницы между этой фазой времени и «устоявшимся» прошлым («settled» past), как это позиционируется, например, в статической теории времени [14, с. 138]. Статьи В. Козловского и В. Терлецкого в аспекте предметности теснее связаны с нашей статьей – авторы, интерпретируя кантовское наследие, посвятили свои работы антропологическому осмыслению конкретной этической проблемы соотношения добра и зла в учении

великого философа. Весомым в контексте данного исследования является особый акцент авторов на значимости принципа автономии воли, без которого кантовские взгляды о взаимодействии благих и злых устремлений человека были бы, пожалуй, непоследовательными.

Однако ряд аспектов антропологического подхода в решении проблемы добра и зла, на наш взгляд, по-прежнему остается в тени, что актуализирует продолжение этико-аксиологических исканий в рамках данной проблематики. Интерпретируя важные позиции рассмотренных выше работ, мы поставили цель адаптировать концепцию антропного времени к проблеме перманентного противостояния (и, при этом, взаимосвязи) благого и злого как вариантов развертывания человеческой свободы воли, т. е. придать этике этого взаимодействия антропо-темпоральный характер.

Цель

Целью исследования является осмысление добра и зла в качестве векторов свободы воли в структуре антропного времени. Методологическими основаниями исследования служат: 1) общая теория систем (А. И. Уёмов, А. Ю. Цофнас, Л. Н. Терентьева) – в обосновании возможности представления антропного времени как системы вообще; 2) синергетика – при рассмотрении антропного времени как сложной самоорганизующейся системы; 3) концепция «целого в целом» (И. В. Ершова-Бабенко) – при выявлении оптимального принципа соотношения единиц времени с учетом их этической разновекторности.

Изложение основного материала

Размышляя об онтологических основаниях артикуляции проблемы добра и зла (которые нами освещаются для большей рельефности антропологического базиса), отметим, что в общих словах их можно типизировать либо как дуалистические, либо как монистические. В рамках первого подхода противоборство добра и зла достаточно ясно подготавливается противостоянием субстанций (например, в зооастризме – двух духов: доброго (Спента) и злого (Ангра), в манихействе – Света и Мрака, конкретизированных в понятиях Отца Величия (Бога-Отца) и Материи). В контексте же второго подхода истолкование осуществления добра

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

и зла (и возникновение соответствующих представлений) разнятся принципиально. Так, материалистическая модель рассматривает понятия добра и зла как возникающие в результате человеческой эволюции. Формирующиеся на ранних стадиях становления *homo sapiens* первичные представления о нормах межличностных отношений в рамках социальных образований естественным образом связывают понятие добра с тем, что способствует сохранению жизни и созданию относительно благоприятствующих ей условий. Позже смысловое насыщение этого понятия обогащается принципами гедонизма и эвдемонизма. В свою очередь, в понятии зла фиксировалось все то, что препятствовало удовлетворению естественных потребностей, разрушало привычный и, в силу этого, комфортный жизненный уклад, мешало стремлениям человека к удовольствию и счастью. Идеалистическая же онтология в большинстве своих учений – от древнегреческих представлений до моделей Новейшего времени – связывала понятие добра в абсолютном его смысле с Богом-Творцом. И поскольку Бог традиционно атрибутирован не только качеством Всеблагости, но и качеством Всемогущества, то эта ситуация неизменно приводила адептов идеализма к необходимости осмысления сложнейшей проблемы – проблемы теодицеи. Не случайно одни из самых ярких примеров постановки и решения этой проблемы порождает философия средневековья – теоцентристская установка метафизики этого периода попросту обязывала мыслителей осуществлять изыскания способов богооправдания за наличие в мире зла.

Тем не менее, отметим, что во всех трех обозначенных онтологических подходах присутствует потенция антропологического осмысления проблемы добра и зла. В дуализме исходная метафизическая закреплённость добра и зла за разными субстанциями есть предпосылка опредмечивания нравственной раздвоенности как в человеческой среде вообще, в которой выделяются приверженцы и первого, и второго путей, так и непосредственно в каждом человеке. Монизм авраамических религий и соответствующих им идеалистических учений сущностно требует утверждения значимости роли человека в реализации альтернатив блага или зла, ведь в противном случае возник-

новение последнего, действительно, было бы труднообъяснимо с учетом того, что Бог есть Абсолют Блага и Могущества. Человек («венец творения»), наделенный разумом и свободной волей, самостоятельно осуществляет выбор пути и, исходя из этого выбора, будет определена его участь на Страшном Суде (этический вариант решения проблемы теодицеи). Более того, Кант – мыслитель, благодаря которому антропология приобрела современный вид и предметную область – вообще полагал, что теологические подходы (так же, как и некоторые другие современные ему этические концепции) несут угрозу автономии человеческой морали (подробнее – [6, с. 23]), в основании которой – принцип автономии воли. По Канту, автономия есть такое свойство воли, посредством которого она становится законом для самой себя [4, с. 283]. И поэтому немецкий мыслитель «...дійшов висновку про можливість віднайти і встановити трансцендентально-апріорні принципи для моралі і релігії» [6, с. 23]. Наконец, в отношении материализма ремарка об обусловленности антропологических посылов метафизическим основанием выглядит, пожалуй, само собой разумеющейся и даже тривиальной, ибо именно человек в его рамках безапелляционно позиционируется как вершина эволюции. И по сему он как «осужденный быть свободным» (Ж. П. Сартр), как личность, осознающая причины, способы и следствия своей «брошенности в мир», в конце концов, – самое себя, способен исторически выкристаллизовывать этические нормы, а также выстраивать системы поощрения и наказания за соответственно благие или порочные поступки.

В данной работе, продолжая тенденцию антропологического истолкования взаимодействия добра и зла, что, конечно же, требует обращения к теме основания этих человеческих устремлений – свободы воли, мы предлагаем осуществить такое исследование в относительно новаторском аспекте – аспекте антропологизации времени. В последние годы нами осуществляется реконструкция концепции антропного времени в контексте разработки антропологической парадигмы времени. Полагаем, что рассмотрение вечной этической проблемы в ключе развертывания антропной темпоральности позволит раскрыть те стороны человеческого бытия, которые в иных ракурсах из внима-

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

ния упускаются. Более того, позитивные и негативные (в этическом смысле) устремления свободы в предлагаемой статье будут принципиально заявлены как стороны имманентного двигателя антропного времени.

В предыдущих публикациях (например, [13]) одним из авторов была осуществлена разработка концепции антропного времени (а также, адекватно этой модели, – концепции исторического процесса). В указанной работе была сформулирована проблема, суть которой в том, что традиционное истолкование времени в рамках метафизического и соответствующих ему методологического и естественнонаучного подходов («онтологическая парадигма времени») – как «сущего-от-мира» – не позволяет адекватно понять человеческую деятельность и ход истории в ее антропной компоненте. Тогда же была высказана гипотеза, что эта совокупность вопросов глубже и с меньшей противоречивостью должна быть осмыслена исходя из общих установок *антропологической парадигмы времени*, в русле которой время мыслится как особая форма темпоральности, создаваемая самим человеком по мере его деятельностного «вовлечения в мир» («сущее-от-человека»). Вводя понятие антропного времени, мы обозначили им систему, выражающую человеческую деятельность в параметрах формального (длительность, порядок) и содержательного плана (смысловая нагрузка). Кроме того, в понятии антропного времени выражена чрезвычайно важная характеристика деятельности, выкристаллизовывающаяся в синтезе формы и содержания – интенсивность, т. е. степень смысловой насыщенности единицы длительности.

Антропное время было вначале представлено как система вообще, а затем, в порядке углубления и конкретизации, – как сложная самоорганизующаяся система в частности. Первый из этих этапов исследования был осуществлен на основании общей теории систем (А. И. Уёмов, А. Ю. Цофнас, Л. Н. Терентьева), что предполагало определение этой системы через три дескриптора: концепт, структуру, субстрат. В качестве исходного, стержневого дескриптора – *концепта* – нами был избран экзистенциально-деятельностный смысл формирования и самоорганизации антропного времени, что предполагало: 1) определенность ста-

новления каждой подсистемы антропного времени уникальностью ее носителя, реализуемой в деятельности; 2) первенствование фактора свободы воли субъекта антропного времени в реализации этой уникальности. Соответственно, под *структурой антропного времени* подразумевались отношения, выстраивающиеся между единицами антропного времени одного уровня, а также межуровневые отношения, которые отвечают экзистенциально-деятельностному системо-образующему свойству. Наконец, под *субстратом антропного времени* понимались единицы антропного времени, соотносящиеся по принципу «матрешки» в глобальной темпоральной системе [13, с. 218]. На втором поисковом этапе нами были рассмотрены основные особенности антропного времени. И поскольку выявленные нами характеристики этой системы (многоуровневость и коэволюционная сочлененность подсистем, разновекторность становления, нелинейность, открытость, наличие обратных связей в отрицательной и положительной формах между временными единицами («матрешками»), стохастичность, нетрадиционность последовательности временных фаз [13, с. 219–242]) оказались типичными для объектов синергетического порядка, это позволило осмыслить антропное время как систему конкретного класса – сложную самоорганизующуюся систему.

Исследуя вопрос о направленности антропного времени, мы пришли к выводу о том, что если говорить о таковой не в физическом, а в экзистенциально-деятельностном смысле, то следует признать существование, по меньшей мере, двух противоположных векторов человеческой темпоральности. Эта бинарность определена характером развертывания свободы воли как движущего начала антропного времени.

Позволяя себе небольшое отступление, отметим, что в современной мысли одну из наиболее значимых ролей играет нейрокогнитивистская ветвь, представители которой, выведя на новый уровень осмысления ряд онтологических проблем («the hard problem of consciousness», «the easy problems of consciousness»), предложили и вытекающее из установок их учений решение вопроса о свободе воли. При всей аргументированности взглядов нейрокогнитивистов и философов сознания, мы ни в коей мере не можем согласиться с

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

рассмотренными Дж. Х. Гурмином [18] точками зрения Р. Докинза, Д. Деннета и С. Харриса по данной проблеме. Дело в том, что у всех троих исследователей адекватность понятия свободы как свободы *воли* поставлена под сомнение: первый исследователь парализует человеческое воление игрой эгоистичных генов, второй ученый указывает на мнимость свободы воли по причине иллюзорности сознания в целом, третий настаивает на том же, исходя из своей артикуляции данной проблемы, очень созвучной фатализму. Полагаем, что подобные выводы являются одним из результатов решения проблемы свободы воли (и, как следствие, ее соотношения со временем) на основании онтологической парадигмальной установки. Однако, как было указано выше, наши взгляды основываются на альтернативном – антропологическом – подходе. Поэтому, опираясь на позиции указанных исследователей, мы бы в принципе разрушили основания нашей концепции. В то же время, и сам автор статьи настроен в отношении анализируемых им концепций скептически, так как убедительных данных, подтверждающих справедливость их подходов с опорой как на материалистический подход в целом, так и на нейронауку в частности получено не было [18, с. 44]

В уже упомянутой работе [13] сознательно не был взят во внимание вопрос об этической насыщенности свободы воли, т. е. ее направленности на благие или, наоборот, злые деяния. Свобода воли была рассмотрена исключительно как имманентный двигатель системы антропного времени. И если речь шла о дифференциации свободы воли, а также выделении различных вариантов ее развертывания, то мы подразумевали такие основания деления, как: 1) характер соотносительности этого внутреннего двигателя с внешними детерминантами течения антропного времени и исторического процесса (детерминированная и самодостаточная свобода); 2) способ развертывания свободы воли («плюс-свобода», т. е. основание активной творческой деятельности, в ходе которой осуществляется привнесение в мир собственной уникальности и самости, и «минус-свобода» – фундамент противоположных интенций, выражающихся в сворачивании позиций свободы, ориентированности на рутинный образ жизни). Во втором варианте дифференциации заявлен-

ные позитивная и негативная формы свободы, как видно, не имели этико-аксиологической окраски.

В данной работе мы осуществим попытку насыщения антропного времени этическим содержанием. Для этого необходимо изначально дистанцироваться от онтологических и естественнонаучных дефиниций времени как чистой *формы*. Такие определения, укорененные в античных традициях, соотносили время-форму с определенным процессом как содержанием. Время, таким образом, оказываясь подчиненным процессуальности, было лишено возможности быть самостоятельной сущностью. Физика И. Ньютона возвела эту мысль в норму, представив время и пространство в качестве глобальных «вместилищ», *форм-оболочек*, в которых происходит все, что происходит. Более того, время не только теряло содержательную определенность, но и, будучи даже интуитивно воспринимаемым как нечто, находящееся в единстве со всем становящимся, парадоксальным образом само оказывалось лишенным способности развития с разной интенсивностью, становясь «равномерно текущей длительностью». Эйнштейновская картина времени, выступившая в качестве альтернативы ньютоновской парадигме, позиционирует время (как и пространство) в качестве атрибута движущейся материи, *оформляющего* процессы становления объектов. Эта модель, с одной стороны, трансформировала время из абсолютного и равномерно текущего в относительное, могущее изменять интенсивность своего хода адекватно процессу. В специальной теории относительности эта зависимость конкретизирована во взаимосвязи течения времени и скорости движения объекта, а в общей теории относительности – в корреляции его хода с гравитацией. Однако, с другой стороны, получившее свободу развертывания в разной интенсивности время потеряло свою независимость от пространства – по Эйнштейну, корректнее говорить о пространственно-временном континууме.

Антропное время оказывается уникальным на фоне иных темпоральных образований своей содержательной наполненностью, более того, концепт формирования этой системы определен именно через принятие в качестве пресуппозиции положения о примате содержания над

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

формой. Разворачивающийся в лоне антропного времени смысл выступает связующим началом конкретных актов деятельности, через что преодолевается их дискретность и получаемая последовательность из скачкообразной трансформируется в целостную («облачение в теучесть»).

Итак, каким же образом осуществляется развертывание человеческой темпоральности, если таковую рассматривать в этическом ключе – в аспекте взаимодействия добра и зла. Как уже было заявлено выше, концептом системы антропного времени является экзистенциально-деятельностный смысл ее формирования и становления, что главным образом связывается с уникальностью деятельности каждого субъекта временной единицы («матрешки»), подготовленной, в свою очередь, свободой его воли. Однако конгломерат способов ее опредмечивания поистине неисчерпаем, как и потенциал самой свободы воли. В свое время Николай Бердяев писал: «Свобода – колодезь бездонно глубокий, дно его – последняя тайна» [1, с. 369]. Нами не ставится задача выявления всех возможных вариантов осуществления этого потенциала, здесь будут раскрыты фундаментальные альтернативы – «свобода во благо» и «свобода во зло». При этом мы исходим из достаточно широкого определения добра и зла, какое предложено, например, в «Кратком философском словаре» (2005 г.). В этом издании интересующие нас альтернативы реализации свободы воли представлены как «категории этики и идеи морали, выражающие в предельно обобщенном виде должное (нравственную ценность) и недолжное (нравственную антиценность)» [7, с. 98].

В сложной конструкции антропного времени выделяются две оси его конституирования: вертикальная и горизонтальная. Первая ось формируется как абстрактное соотношение более и менее масштабных временных единиц, выражающих темпорально-сущностные смыслы различных уровней человеческого бытия – от единично-личностного до общечеловеческого. Вторая ось образуется на основании соотносительности однопорядковых «матрешек времени» в рамках общей для них более масштабной темпоральной единицы. Рассмотрение разнопорядковых «матрешек времени» в категориях части и целого, на наш взгляд, малопродуктив-

но, поскольку, в таком случае, будет ущемлена уникальность и автономность менее масштабных единиц. Принцип «Единица! – Кому она нужна?! Голос единицы тоньше писка» (В. Маяковский) не обеспечит необходимой глубины в исследовании конгломерата процессов человеческой деятельности, выкристаллизовывающейся, в том числе, в периодическом столкновении благих и злых намерений. Даже если, к примеру, самоорганизация личностного времени фундирована интенциями «свободы во зло» (и это – единичный случай), при этом устремленность времени социальной группы, в которую деятельностно вовлекается первая (микросистемная) единица, насыщена вектором «свободы во благо», то методология познания естества всей временной ячейки не может быть централизованной и монолитизированной. Поэтому в данном случае для большей корректности описания полагаем необходимым использование категории «целого в целом», предложенной в рамках соответствующей концепции современным ученым И. В. Ершовой-Бабенко [3, с. 107].

В предлагаемой статье показанная выше ситуация, при которой общеблагие устремления социальной группы не согласуются со злыми интенциями личностного мини-целого (хотя это лишь одна из возможных вариаций несоответствия макро- и микроуровней человеческого бытия), выступит в качестве стержневого иллюстративного материала. Как ни странно, нередко оценка деятельности такой группы в общих чертах оказывается позитивной, поскольку в таком случае исходят из того, что, выражаясь в наших категориях, разворачивание ее антропного времени осуществляется в целом на основании благой свободы воли. Однако, полагаем, такое попустительство чревато серьезными негативными последствиями. Единичная «временная матрешка», являющаяся самоорганизующейся системой, неизменно за счет такого своего свойства, как открытость (наличие способности обмена энергией, информацией с иными «ячейками»), начинает обрастать связями с «матрешками времени», формирующимися на основании деятельности других субъектов группы. Принятый (как было указано выше) в качестве концептуального начала экзистенциально-деятельностный аспект формирования и саморазвития системы антропного времени им-

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

плицитно несе в себе качественну компоненту інформаційно-енергетическої адресованості на другі темпоральні одиниці. Причому, цей процес здійснюється не тільки по горизонтальній, а й по вертикальній осі. А оскільки мова йде про взаємодію самоорганізуючих систем, то вистрайваючі зв'язки виявляються взаємними. В результаті через розростаючуся циклічну каузальність вихідна «часова матрешка» (зв'язана, здавалося б, виключно з діяльністю єдиного «негативного елемента» групи), будучи устремлюваною етично негативною свободою волі в русло зла, перестає бути ізольованою. Відзначимо при цьому, що вона і не розпадається в системних контактах. Достигається цей комфортний для її функціонування баланс завдяки так званій операційній замкнутості, т. є. здатності самозбереження, самозахисту від дезінтеграції і втрати своєї автономності в процесі взаємодії з іншими одиницями (поняття розроблено У. Матураною і Ф. Вареллою [10, с. 113–116]).

Конечно ж, взаємодія намірами добра і зла в взаємних зв'язках між часовими клітинками потенцірує багато альтернатив його проміжних і кінцевих результатів. Однак достатньо поширеним є наступний варіант. З однієї сторони, визначений рівень втрат за критерієм інтенсивності розкриття смислового початку (а таким в розглянутому прикладі, нагадаємо, є індивідуальна намірлена злом свобода) може побудити часову одиницю виконати, використовуючи свої глибинні резерви, самомотивований скачок (положительна зворотна зв'язь). В даному випадку це буде сприяти приращенню злих тенденцій в самій «матрешці». З іншої сторони, втрати інших «матрешек часу» в інтенсивності еманції вихідно закладеного в них смислового початку (тепер уже етично позитивної, благої волі) нерідко призводять їх до необхідності пошуку «донорської допомоги» ззовні. І якщо таку допомогу надасть саме фундаментальна «свободою во зло» темпоральна одиниця (відрицательна зворотна зв'язь), то в підтриманих «сусідах» почнуть домінувати пагубні наміри. Резонанс зла як між однопорядковими, так

і між різнопорядковими утвореннями антропного часу, таким чином, почне відчуватися во все більш значимих масштабах.

Конкретизуємо сказане на прикладі непростих ситуацій, виникаючих в процесі діяльності вищого навчального закладу. Не секрет, що освітній процес періодично преподносить професорсько-викладацькому складу «сюрпризи» в формі студентів, займаючих відкрито шкідливою діяльністю. Розуміючи неможливість отримання поваги за рахунок успішності, оскільки вона у таких студентів традиційно слабка, вони нерідко прагнуть до завоювання бажаного авторитету насильством над своїми одногрупниками, позицією відкритої нехвилюваності до суспільних цінностей. Безумовно, межі людських проєкцій в розумінні добра і зла розмиті і нерідко ситуації, коли те, що з однієї сторони виглядає злом, з іншої сторони може виступати основою благого вчинку (в релігійно-філософській літературі такий аргумент звучить в межах естетичного варіанта рішення проблеми теодицеї). Однак в наведеному прикладі пагубність як початкових, так і кінцевих намірів очевидна: тут зло здійснюється заради зла. Подібні ситуації нерідко ігноруються (щоб не було зайвого шуму, щоб не заплямувати гідність викладацького складу і керівництва ВУ-За). Аргументується це тим, що діяльність всіх студентів, за винятком одного «портячого загальної картини», по меншій мірі, задовільна, а во багатьох випадках зразково-показовою. Ризикнемо передположити, що подібний ефект в розглянутої групі не буде мати локальний характер. Розвортання становлення особистісної темпоральної одиниці в русло зла, як було вже показано вище, за рахунок обох видів формуючих взаємних зв'язків з більшою долей вірогідності буде набувати резонансний характер. В педагогічній мові подібне явище звичайно називають «розповсюдженням розлагаючого впливу».

Безумовно, ситуація, інтерпретована в нашому розумінні співвідношення «свободи во благо» і «свободи во зло» в русло розвортання системи антропного часу, є достатньо простою і, з відомими оговорками,

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

терпимой. Однако если показанную модель репрезентовать в отношении значительных по масштабу общественно-политических, экономических, культурных феноменов, то болезненность будет только возрастать, ибо речь в таком случае уже идет о межгосударственных и межкультурных противоречиях вплоть до конфликтов глобального порядка.

Каким же образом представляется возможным добиться разрешения подобной ситуации (или, по крайней мере, деэскалации напряженности)? Во-первых, необходимо отказаться от стойкой практики приклеивания ярлыков раз и навсегда. Часто, не обращая внимания на принципиальное видоизменение основ и ценностей становления системы, именно исходя из этой практики, к ней продолжают применять неактуальные методы воздействия. Б. В. Марков во введении к сборнику философских статей «Перспективы человека в глобализирующемся мире» (2003 г.) настаивает на том, что о человеке вообще нельзя говорить как о добром или злом от природы, ибо он – продукт цивилизации. «Не считая, что зло изначально заложено в человека, – находим у исследователя, – мы не взваливаем на наших предков ответственность за то, что творим сами» [9].

Во-вторых, действенным основанием решения поднятой проблемы, как нам видится, могут выступить коэволюционистские идеи. Мы исходим из того, что векторы добра или зла не являются перманентно закрепленными за соответствующей «временной матрешкой». В лоне каждой подсистемы антропного времени могут возвращаться и противоположные первичным интенции. Выражая определенное несогласие с присущей Канту позицией, в которой он, как пишет В. Терлецкий, «...стверджує іманентну притаманність людській природі радикального зла...» [11, с. 70] (поэтому и «...будь-які засоби (політичні, соціальні, культурні) не спроможні виправити недосконалість людської природи» [11, с. 70]), полагаем, что сразу же ставить крест на формируемых «свободой во зло» темпоральных системах как однозначных и потому бесперспективных не следует. Такие меры возможны в отношении заостренных систем, которым чужды процессы самоорганизации. Необходимо, скорее, изыскать тот подход, который, не ущемляя самости и уникальности антропного времени каждой конкретной лич-

ностной или социальной единицы, позволит устремить множество вариантов их становлений в единое гармоничное русло.

Полагаем, что на фоне двух относительно насильственных принципов сочетания единиц антропного времени – противоречивости (антагонизма) и синхронности – наиболее оптимальным для гармонизации их становления является принцип комплементарности. Антагонизм, как правило, продуктивен незначительное время – когда предъявляются и аргументируются требования субъектов подсистем антропного времени. Синхронизация (как в сторону наименее интенсивного «целого в целом», так и в сторону наиболее развитой в этом отношении единицы) чревата утерей самобытности и ценности каждой «временной матрешки». Принцип комплементарности является практически лишенным недостатков показанных крайностей: первой из них – поставленного во главу угла упрямства в удержании «своего» без заботы о судьбе «иного»; второй – стремления к унификации во имя стирания противоречий без заботы о сохранении уникальности бытия каждой автономной единицы. Хочется верить, что этот принцип может стать средством реализации курдюмовской идеи «жития вместе», т. е. коэволюции. Е. Н. Князева, комментируя С. П. Курдюмова, по этому поводу пишет: «Коэволюция есть искусство жить в едином темпомире, не свертывая, а поддерживая и развивая разнообразие на уровнях элементов и отдельных подсистем. А значит, нужно культивировать у каждого чувство ответственности за целое в плюралистическом и объединенном мире» [5, с. 83]. В противном случае, и это хорошо показано у современных западных ученых В. Декомба [2; 15], А. Турена [12, с. 99], социальные образования обречены на конфликты идентичности. Если же допустить нивеляцию оснований последней ради укрепления целого, человечество своими руками откроет ящик Пандоры, ибо, по сути, это будет означать разрушения фундамента его жизненных устоев.

Научная новизна

Посредством использования антропологического (в противовес онтологическому) парадигмального основания в осмыслении проблемы добра и зла, подхода «овременения» этих этических противоположностей, а также си-

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

темного представлення антропного часу (в рамках загальної теорії систем і синергетики) підготовлена *наукова новизна отриманих результатів*. Вона складається в тому, що в контексті реконструкції концепції антропного часу: 1) виявлені етичні вектори становлення свободи волі, конститууючої людську темпоральність як її рушійну силу, – вектори «свободи на добро» і «свободи на зло»; 2) обґрунтована оптимальність використання принципу комплементарності (на фоні принципів протиріччя і синхронності) в розв'язанні проблеми гармонізації сосуществовання одиниць антропного часу («матриць часу»).

Висновки

1. В руслі філософської лінії антропологізації проблеми добра і зла запропоновано осмислення цих варіантів людської діяльності як векторів свободи волі в структурі антропного часу. Такий підхід запропоновано як альтернатива фундуванню рішення досліджуваної проблеми онтологічними основами (як дуалістичними, так і моністичними).

2. На основі загальної теорії систем через виявлення концепта, структури і субстрата антропного часу здійснено його представлення як системи взагалі. Далі за допомогою виявлення ряду специфічних властивостей була показана причастність антропного часу до конкретного класу об'єктів – складним самоорганізуючимся системам.

3. Показано, що розгляд антропного часу в екзистенційно-діяльностному сенсі дозволяє подолати традиційну для природознавства одновекторність часу. Цей момент поставлено в главу кута в осмис-

ленні проблеми спрямованості людської темпоральності в етичному ракурсі. Виявлена в руслі антропного часу бінарність його векторів визначена характером розгортання свободи волі як рушійної сили антропного часу (вектори «свободи на добро» і «свободи на зло»).

4. Здійснено постановку проблеми невідповідності часових інтенцій як однопорядкових індивідуально-особистих темпоральних одиниць (горизонтальна вісь), так і «часових матриць», формуваних в діяльності конкретних осіб і соціальної групи, до якої причастні перші (вертикальна вісь). Показано, що за рахунок позитивної і негативної взаємодії одиниць часу можуть достатньо швидко входити в крайню неконтрольовану ситуацію.

5. Обґрунтовано, що оптимальним принципом сосуществовання одиниць антропного часу, що дозволяють наблизити часову цілість до еталонів козволюційної гармонічності, є принцип комплементарності. Використання принципів протиріччя (антагонізму) або синхронності (як протилежностей природі ряду невідповідних одиниць контексту «матриць часу») загрожує ескалацією соціальних конфліктів як в горизонтальному, так і в вертикальному відношенні.

6. Розглянуто фундаментальні вектори свободи волі як внутрішнього основи антропного часу, вважаємо необхідним проаналізувати варіанти їх співвіднесеності з зовнішніми детермінантами становлення людської темпоральності, що і бачиться сьогодні найближчої перспективою подальших досліджень.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Бердяев, Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев // *Философия свободы. Смысл творчества* / Н. А. Бердяев ; вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова. – Москва : Правда, 1989. – С. 251–534.
2. Декомб, В. Як порушувати проблеми колективної ідентичності? / В. Декомб ; [пер. з франц. М. Горновського] // *Філософська думка*. – 2013. – № 4. – С. 81–96.
3. Ершова-Бабенко, И. В. Психосинергетика : монография / И. В. Ершова-Бабенко. – Херсон, Д. С. Гринь, 2015. – 488 с.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант // *Соч.* В 6 т. Т. 4., ч. 1 / ред. 4-го т. В. Ф. Асмус. – Москва : Мысль, 1965. – С. 219–310.

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

5. Князева, Е. Н. Темпоральная архитектура сложности / Е. Н. Князева // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности / отв. ред. В. И. Аршинов. – Москва : Прогресс-Традиция, 2011. – С. 66–86.
6. Козловський, В. Чи можлива антропологія як трансцендентальна доктрина: Кантові візії / В. Козловський // Філософська думка. – 2015. – № 2. – С. 21–38.
7. Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев [и др.] ; под ред. А. П. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 496 с.
8. Малівський, А. М. Антропологічний раціоналізм Декарта та його гусерлівська рецепція / А. М. Малівський // Антропологічні виміри філософських досліджень. – 2016. – Вип. 9. – С. 96–104.
9. Марков, Б. В. Введение / Марков Б. В. // Перспективы человека в глобализирующемся мире : сборник философских статей / под ред. Парцвания В. В. – Санкт-Петербург : Санкт-Петерб. филос. общ., 2003. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/markov-bv/vvedenie>. – (дата обращения: 17.04.2017).
10. Матурана, У. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания / У. Р. Матурана, Ф. Х. Варела ; [пер. с англ. Ю. А. Данилова]. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
11. Терлецький, В. Український погляд на Кантову антропологію / В. Терлецький // Філософська думка. – 2015. – № 2. – С. 67–71.
12. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен [пер. с франц. Е. А Самарской]. – Москва : Новый мир, 1998. – 204 с.
13. Ханжи В. Б. Парадигмы времени: от онтологического к антропологическому пониманию : монография / В. Б. Ханжи. – Херсон : Гринь Д. С., 2014. – 360 с.
14. Bardon, A. A Brief History of the Philosophy of Time / A. A. Bardon. – New York : Oxford University Press, 2013. – 185 p.
15. Descombes, V. Les Embarras de l'identite / V. Descombes. – Paris : Gallimard, 2013. – 282 p.
16. Dhar S. The Ontology of Intentional Agency in Light of Neurobiological Determinism: Philosophy Meets Folk Psychology / S. Dhar // Journal of Indian Council of Philosophical Research. – 2017. – Vol. 34, № 1. – P. 129–149.
17. Erdi P. Complexity Explained / P. Erdi. – Berlin ; Heidelberg : Springer, 2008. – 397 p.
18. Gurmin J. H. Richard Dawkins, Daniel Dennett, Sam Harris: An Analysis of Free Will and Determinism / J. H. Gurmin // Maynooth philosophical papers. – 2016. – Issue 8. – P. 30–44.
19. Mitchell M. Complexity: A Guided Tour / M. Mitchell. – Oxford, New York : Oxford University Press, 2009. – 349 p.

В. Б. ХАНЖИ^{1*}, Д. М. ЛЯШЕНКО²

^{1*}Одеський національний медичний університет (Одеса); ел. пошта Vladkhan.od@ukr.net;
ORCID 0000-0002-9264-4350

^{2*}Одеський національний медичний університет (Одеса); ел. пошта sepulka@meta.ua;
ORCID 0000-0002-5043-6211

ДОБРО І ЗЛО ЯК ВЕКТОРИ СВОБОДИ ВОЛІ В СТРУКТУРІ АНТРОПНОГО ЧАСУ

Метою роботи є осмислення добра і зла в якості векторів свободи волі в структурі антропного часу. **Методологічними засадами** дослідження є: 1) загальна теорія систем (А. І. Уйюмов, А. Ю. Цофнас, Л. М. Терентьева) – в обґрунтуванні можливості представлення антропного часу як системи взагалі; 2) синергетика – при розгляді антропного часу як складної системи, що самоорганізується; 3) концепція «цілого в цілому» (І. В. Єршова-Бабенко) – при виявленні оптимального принципу співвіднесення одиниць часу з урахуванням їх етичної різновекторності. **Наукова новизна** отриманих результатів полягає в тому, що в контексті реконструкції концепції антропного часу: 1) виявлені етичні вектори розгортання свободи волі як рушійного начала людської темпоральності (вектори «свободи на благо» і «свободи на зло»); 2) обґрунтована оптимальність використання принципу комплементарності у вирішенні проблеми гармонізації співіснування одиниць антропного часу («матрьошок часу»). **Висновки.** 1) в руслі традиції антропологізації проблеми добра і зла ці інтенції людської активності осмислені як вектори свободи волі в структурі антропного часу; 2) антропний час представлено як систему взагалі (на підставі загальної теорії систем) і як складну систему, що самоорганізується, зокрема (на підставі синергетичної методології); 3) через конституювання системи антропного часу екзистенційно-діяльним концептом подолано позицію

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

одновекторності часу – розкрита етична бінарність векторів антропного часу, підготовлена подвійністю розгортання свободи волі як його рушійного начала; 4) через постановку проблеми невідповідності інтенцій різних темпоральних систем показана оптимальність принципу комплементарності у вирішенні питання про шляхи гармонізації відносин одиниць антропного часу; 5) проведене дослідження відкриває перспективи розгляду зовнішніх детермінант антропного часу, а також пошуку варіантів їх співвіднесеності з внутрішнім двигуном (свободою волі) в структурі людської темпоральності.

Ключові слова: добро і зло; антропний час; «часова матрьошка»; вектори свободи волі; принцип комплементарності.

V. B. KHANZHYY^{1*}, D. M. LYASHENKO^{1*}

^{1*}Odessa State Medical University (Odessa); e-mail Vladkhan.od@ukr.net; ORCID 0000-0002-9264-4350

^{2*}Odessa State Medical University (Odessa); e-mail sepulka@meta.ua; ORCID 0000-0002-5043-6211

GOOD AND EVIL AS VECTORS OF FREE WILL IN THE STRUCTURE OF ANTHROPIC TIME

Purpose. The work is aimed at comprehending good and evil as vectors of free will in the structure of anthropic time. **Methodology.** The study is based on: 1) the general theory of systems (A. I. Uymov, A. Yu. Tsofnas, L. N. Terentyeva) – while justifying the possibility of representing the anthropic time as a system in general; 2) synergetics – while considering the anthropic time as a complex self-organizing system; 3) the concept of «a whole in a whole» (I. V. Yershova-Babenko) – while identifying the optimal principle of correlation of the time units, taking into attention their ethical multi-vectority. **Originality.** In the context of the reconstruction of the concept of anthropic time: 1) the authors revealed ethical vectors of expansion of free will as the driving principle of human temporality (the vectors of «freedom for good» and «freedom for evil»); 2) the authors justified the optimality of using the principle of complementarity in solving the problem of harmonizing the coexistence of units of anthropic time («matryoshkas of time»). **Conclusion.** 1) In a line with the tradition of anthropologization of the problem of good and evil, these intentions of human activity are interpreted as vectors of free will in the structure of anthropic time; 2) the paper represented anthropic time as a system in general (based on the general theory of systems) and as a complex self-organizing system in particular (based on a synergetic methodology); 3) constituting of the system of anthropic time by the existential-actionable concept allowed to overcome the position of the one-vectored time, i.e. to reveal the ethical binarity of the anthropic time vectors prepared by the duality of expansion of free will as its driving principle; 4) formulation of the problem of discrepancy between the intentions of different temporal systems showed the optimality of the complementarity principle in solving the question how to harmonize the relations of anthropic time units; 5) the conducted research opens prospects for consideration of external determinants of anthropic time, as well as for search of variants of their correlation with the internal mover (free will) in the structure of human temporality.

Key words: good and evil; anthropic time; «matryoshka of time»; vectors of free will; principle of complementarity.

REFERENCES

1. Berdyaev, N. A. (1989). Sense of creativity. Experience of justifying a person. In N. A. Berdyaev (Ed.), *The philosophy of freedom. The meaning of creativity* (pp. 251-534). Moscow: Pravda. (In English)
2. Dekomb, V. (2013). Yak porushuvaty problemy kolektyvnoi identychnosti. *Filosofska dumka*, 4, 81-96. (In Ukrainian)
3. Yershova-Babenko, I. V. (2015). *Psikhosinergetika*. Kherson: D. S. Grin. (In Russian)
4. Kant, I. & Asmus, V. F. (Ed.). (1965). *Osnovy metafiziki npravstvennosti* (T. 4, Ch. 1). Moscow: Mysl. (In Russian)
5. Knyazeva, Ye. N. (2011). Temporalnaya arkhitektura slozhnosti. In V. I. Arshinov (Ed.) *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika innovatsionnoy slozhnosti* (pp. 66-86). Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian)
6. Kozlovskiy, V. (2015). Chy mozhylyva antropolohiia yak transtsendentalna doktryna: Kantovi vizii. *Filosofska dumka*, 2, 21-38. (In Ukrainian)
7. Alekseev, A. P. & Vasilev, G. G. (2005). *Kratkiy filosofskiy slovar* (2nd ed.). Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt. (In Russian)

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ФІЛОСОФСЬКОЇ АНТРОПОЛОГІЇ

8. Malivskiy, A. M. (2016). Anthropological Descartes' rationalism and its Husserl's reception. *Anthropological measurements of philosophical research*, 9, 96-104. (In English)
9. Markov, B. V. (2003). Vvedenie. In V. V. Partsvaniya (Ed.). *Perspektivy cheloveka v globaliziruyushchemsya mire: Sbornik filosofskikh statey*. Saint-Petersburg: Sankt-Peterb. filos. obshch. Retrived from <http://anthropology.ru/ru/text/markov-bv/vvedenie>. (Accessed 17 April 2017). (In Russian)
10. Maturana, U., & Varela, F. Kh. (2001). *Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniy*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian)
11. Terletskiy, V. (2015). Ukrainskiy pohliad na Kantovu antropologiiu. *Filosofska dumka*, 2, 67-71. (In Ukrainian)
12. Turen, A. (1998). *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii*. Moscow: Novyy mir. (In Russian)
13. Khanzhi, V. B. (2014). *Paradigmy vremeni: ot ontologicheskogo k antropologicheskomu ponimaniyu*. Kher-son: Grin D. S. (In Russian)
14. Bardon, A. (2013). *A Brief History of the Philosophy of Time*. New York: Oxford University Press. (In English)
15. Descombes, V. (2013). *Les Embarras de l'identite*. Paris: Gallimard. (In French)
16. Dhar, S. (2017). The Ontology of Intentional Agency in Light of Neurobiological Determinism: Philosophy Meets Folk Psychology. *Journal of Indian Council of Philosophical Research*, 34(1), 129-149. (In English)
17. Erdi, P. (2008). *Complexity Explained*. Berlin, Heidelberg: Springer. (In English)
18. Gurmin, J. H. (2016). Richard Dawkins, Daniel Dennett, Sam Harris, An Analysis of Free Will and Determinism. *Maynooth philosophical papers*, 8, 30-44. (In English)
19. Mitchell, M. (2009). *Complexity: A Guided Tour*. Oxford, New York: Oxford University Press. (In English)

Стаття рекомендована до публікації д. філос. н., проф. О. С. Токовенком (Україна)

Надійшла до редколегії: 16.12.2016

Прийнята до друку: 21.09.2017